

Они играют, пока мы к ним ходим

АНТРЕПРИЗА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Позво столетие с четвертью тому назад, в марте 1882 года, в России была отменена монополия казенных театров. О судьбах частной антрепризы по случаю дня ее рождения размышляет наш корреспондент.

ЯВЛЕНИЕ КОТА НАРОДУ

Частный театр – тут вам не казенное культурно-зрелищное заведение. Автору заметок некогда помог сие понять не то иной, как красавец кот по личке в честь знаменитого мецената – Сорос. Рассказывали, что достался он центру современного искусства «Арс-Форум» в дар от института «Открытое общество», в дополнение к одному из выигранных центром конкурсных грантов.

Придется в тему напомнить старую байку. Стоило зрителям на втором этаже «Арса» в камерном театре Владимира Воронцова занять свои места перед началом «Представления трагедии Александра Пушкина о Моцарте и Сальери на бегих подмостках XX столетия», как тот самый кот Сорос, немало озадачив публику и пережая актеров, собственной персоной появился на подмостках, вовсе ему не предназначенных.

Без спроса шастал там среди вешалок с костюмами персонажей и нотных пюпитров. Сам своим независимым видом показывал гостям, что по сути они в театре, про который говорил Тюзом, правильно будет сказать: ДРУГОЙ... То есть не просто по-домашнему уютный, а такой, где до моцартового рукоятки можно дотронуться, проведя руку и где не спрятаешься от него ни за дикию и темперамент, ни за имя и титулы, как там он на это ни рассчитывал.

А нас в тот вечер театр не отпустил домой налегке. Ухожен с вопросами. Только не к нему и не к театру – к себе. Про Моцарта и Сальери солнце и мглу в душе собственной. Словно бы с домашним заданием ухаживали: думай о соросе, делай.

Камерный театр Владимира Воронцова – авторский и камерный. Он частный и репертуарный. Но в его афишах ничего для любителей остального из меню коммерческой антрепризы нет. Там не ставят дешевой заманивательной рекламой из дешевых материалов. За 200 целковых ходят туда интеллигенция, студенты, разночинная молодежь – чаще всего заранее решив, что не будут в этих стенах читать морали и учить

жизни и задумывали свой путь на вольные хлеба и став собственным умом и капиталом, Юрий Ваккерман, приятелями-тюзовцами и режиссерским даром, беспримисную «неудобную» роль Воронцова, под тенью его учеников (таких, как Владимир Гусев), актеров одной «группы крови».

Вышла и быстро погасла, теперь уже семилетнейности, ежегодных клубных сиделок, где однажды и появилось явление кота критиков театроведов. Но театр Воронцова держит марку, его Москва и Питер, о том не писал «Северный край».

И совсем другой приезд один ученик профессора Ленчарова Леонид Труш-

кин, основатель театра Антона Чехова, первой частной антрепризы новой России, начинал с Антона Палыча, Шекспира, Артура Миллера. В его премьерах играли Евстигнеев, Чурикова, Шакуров, Гурченко, Базилашвили. А сегодня у Трушкина, судя по прессе, «все как у людей». Который год в мыслях у него пьеса «Дядя Ваня». Все не ставит, трезво полагая, что «не пойдут». Крутят «Ужин с дураком». Ходят на Хазанова, зал от хохота весь вечер на бровях стоит.

ЗА ЧТО ЕЕ, БЕДНУЮ, «ПИНАЮТ»?

Радоваться ли тому, вот вопрос. Профессор театральной академии Юрий Орлов в рецензии на «Дурака» горько вздыхает: российская антреприза как-то умудрилась-де почти вся причислаться под одну гребенку, репутация у театра Антона Чехова «все-таки некогда была посерьезней». Добавим еще один вопрос от себя: на «Дядю Ваню» не пойдём почему? Неужто все уже поняли, как и зачем жить и обходиться без Чехова и без Шекспира?

В Ярославле частная антреприза, можно говорить смело, у себя дома. Таковым было и знаменитое начинание купеческого сына Федора Волкова со товарищи. Они не просто играли в свое удовольствие. Театральное дело они содержали – на семейные капиталы, меценатские вклады, а главное, на кассовые сборы от постановок в построенном предпринимчивой братией публичном театре с залом, почти как в сегодняшнем Волковском – на 1000 мест. Именно это особенно оценила императрица, пригласив ярославцев в Санкт-Петербург на казенный кошт.

Полтора десятилетия спустя, уже после Федора Волкова, учредили Дирекцию императорских театров. Вплоть до чеховских и мхатовских времен были они во всех отношениях вне конкуренции. Больше половины их годовых расходов покрывались госдотацией, а все убытки оплачивал кабинет министров его величества. Дирекция ни копейки не платила за прекрасные здания, похожие на дворцы. Императорские труппы были защищены от инфляции, любых колебаний зрительского спроса, повышения цен на материалы для декораций и бутафории, на пошив костюмов.

Но жизнь брала свое. По статотчетам, доходы московского Малого театра (императорского!) с 1827 года за семь десятилетий выросли вдвое. Больше стало зрителей – под спрос медленнее, но верно дорожали билеты. Затраты между тем росли куда быстрее – за то же время утроились. Вынуждены были думать об экономии и казначеи. На сбывающейся волне рыночных реформ не без яростных споров в правительстве и была отменена монополия казенных театров – к их содержанию допустили частный капитал.

Уже в следующее десятилетие кроме стационарных театров столиц, казенных в про-

винции и городских, ежегодно место под солнцем искали – и находили! – около трехсот профессиональных антреприз и товариществ. К их творческим достижениям относиться серьезно у историков театра не принято.

Грехи у частного театра и в самом деле были, причем те же самые, о каких про день сегодняшний автору заметок недавно толковал в Москве его студенческий приятель, художник «Театра у Никитских ворот» Марк Розовский. Пока антреприза, доказывал он, «не за-

ведено на степень скоропалительной фабрикации (во как выражались! – Ю. Н.) разных фарсов, не способных вызывать в зрителе ни одной серьезной мысли».

Будем справедливы и заметим – то была не правда про антрепризу. Именно тогда появился в Ярославле выпускник курсов столичного Филармонического общества, ученик Немировича-Данченко Иван Москвин. Городской театр арендовала антреприза актрисы Малого театра З. П. Малиновской. Да, без ширпотреба

ва оплатил все убытки, а затем скупил актерские паи. На те деньги по проекту Шехтеля и построили новое здание в Камергерском переулке. В «серебряный век» МХТ вступил самым дорогим театром в России.

Антреприза сделала актерский труд прибыльным, МХТ не имел дефицита вплоть до 1917 года. Но прибыль-то была из кармана богатого зрителя, а вовсе не тех, кто по ночам выстаивал очереди за дешевыми билетами на галерку.

В 1910 году, понимая это,

Актерский состав театра-студии из его учеников меняется раз в четыре года. Напомним, молодая сцена дважды получила губернаторские гранты – за пушкинский цикл постановок и участие в акции «Искусство против наркотиков».

Восстановленное с новым учебным курсом скоморошье действо «Сказка о царе Салтане», золотой медалист прошлогоднего областного тура Дельфийских игр будет защищать честь родины русского театра на майских играх в Ярославле, и мы о «Молодой сцене» нового набора наверняка еще услышим.

Сам Сергей Филиппович согласен с одним из своих наставников на Волковской сцене, покойным Глебом Дроздовым, чье имя носит теперь муниципальный театр «Колесо» в Тольятти. Дроздов говорил, что для раскрытия таланта ничего лучшего, чем частная сцена, «пока не придумано».

Куценко и его партнеры по взрослой антрепризе придерживаются бродвейского принципа «играем, пока на нас ходят». Арендуют городской концертный зал. Экономят на чем только можно, от афиши до костюмов. По этой причине лишних людей в труппе нет. Зато антреприза держит актера в тонусе. За короткий сезон в шесть

Сцена из спектакля антрепризы Сергея Куценко «Как удержать мужа?»

ткнет за пояс репертуарный театр не деньгами, а именно искусством, до тех пор ее будут пинать ногами».

«ЧЕС», НО НЕ ТОЛЬКО

Другой собеседник, ярославец Виталий Стужев, из того антрепризного, что видел он на сцене родного ТюЗа, достойным упоминания признал только спектакли с Татьяной Васильевой и две из пяти постановок – о Рудольфе Нуриеве и «Служанки» – театра Виктюка. Все остальное Стужев, имея в виду гастрольные заработки коллег, назвал «чбсом» – то на актерском шаргоне синоним более понятного зрительским массам слова «халтура».

Сам Виталий Львович коммерческую антрепризу в упор не видит, а вот от приглашения на одну из центральных ролей премьерной постановки Александра Кузина в муниципальном театре с загадочным старославянским названием «Видогонь» в Зеленограде (это в черте Москвы) «Царь Федор Иоанович» не отказался. Роль завязтого интригана Клешина Стужев отрепетировал с Кузиным в отпускные дни. На спектакли контрактной труппы выходцев из Малого театра ярославский тюзовец ездит дважды в месяц. Играю, говорит, «в свое удовольствие».

Лет сотню назад антрепризу, между прочим, «пинали», как сказал бы Розовский, точно за то же самое, что и в наши дни. «Драматическое творчество в последнее время, – читаем в театральном обозрении «Ярославских губернских ведомостей» за 1894 год, – низ-

от Шпажинского, Потапенко и иже с ними не обходилось. Но в афише у Малиновской были и «Дядя Ваня», и «Власть тьмы», и пушкинский «Борис», и даже «Фауст» Гете.

22-летний дебютант с природными задатками лицедея, взрывной энергетикой и безразмерным амплуа сразу завоевал звезду первой величины. За сезон сыграл... 77 ролей! И каких – Оргона в «Тартюфе», Шуйского в «Смерти Иоанна Грозного», Аркашу в «Лесе». Три года спустя Москвин возвращается в столицу. По предложению Немировича становится он пайщиком и актером МХТ. Станиславский поручает ему главную роль в первой постановке «художественного общедоступного» театра «Царь Федор Иоанович».

И ОХНУЛ СТАНИСЛАВСКИЙ

По первоначальной своей форме, выражаясь сегодняшним деловым языком, этот великий театр был товариществом с ограниченной ответственностью. На старте взносы пайщиков составили 25 тысяч рублей, при том, что в графе расходов значились все 145 тысяч. Росли цены и на билеты. К третьему сезону, отказавшись от «сравнительной общедоступности», МХТ поднял их сразу на 35 процентов. Затраты росли еще круче, третий сезон закончился с огромным дефицитом в 80 тысяч рублей.

Стало ясно: хороши пайщики, но нужны вкладчики, без меценатства не обойтись. Судьбу антрепризы решил Савва Морозов. Миллионер спер-

Станиславский сетовал в письме Немировичу: «Надо предпринимать решительный шаг. Надо из Художественного превращаться в общедоступный. Это больно; так как в таком театре не удержишь художества. С другой стороны, когда подумаешь, кому посвящаем свои жизни – московским богачам, да разве их можно просветить?.. Вспомнишь о Толстом, о серой жизни бедной интеллигенции, которой некуда деваться – ох!»

Прямо про нас, граждане, сказано. Или художественный, или общедоступный – так и стоит вопрос, если у театра нет постоянной дотации и антреприза приходится заниматься высоким искусством за счет зрителей. Предпринять «решительный шаг» Станиславскому так и не удалось. За год до революции МХТ в надежде поправить финансовые дела, снова ставшие трудными из-за войны, уехал на гастроли в Германию. И там прогорел. Трудно сказать, что бы с ним стало, если бы при Советах он не был национализирован и не получил под Станиславского и его систему госдотацию.

БЕЗ АФИШ, НО С АНШЛАГОМ

Разговор о том, как выживал МХАТ, поддержал и о. ректора Театрального института Сергей Куценко. Тему обсуждал Сергей Филиппович со знанием дела: за последние десять лет он дал жизнь негосударственному учреждению культуры «Молодая сцена» и «Антрепризе Сергея Куценко».

месяцев показывают больше двух десятков представлений – без афиш, но с аншлагами. Выпускают по премьере за сезон, сотрудничают с очень востребованным в Москве режиссером Михаилом Мамедовым, старым знакомым ярославских театралов – он много ставил на Волковской сцене.

Властителей дум Куценко с партнерами из себя не строят перед началом спектакля не забывают, но мудростью лукаво; по радио пожелать зрителям «приятно провести вечер». На днях наши корреспонденты посмотрели у Куценко спектакль со жгуче животрепещущим, и особенно для прекрасного пола, вопросом в названии – «Как удержать мужа?»

Зал, видимо собранный по испытанному принципу «узнал – передай другому», был полон. Цена билетов божеская, от 90 рублей. То было истинно антрепризное зрелище – веселая катавасия с переодеванием и хитрыми подставками, подтанцовками на стыке эпизодов, финальным общим фото героев, с азартным лицедейством в духе старой доброй «Тетки Чарльза» самого мастера в роли псевдотещи.

Славный, как после усиленной дозы антидепрессанта, получился сеанс смехотерапии. И подошел вовремя. Как раз ко дню рождения антрепризы – живущего в полной отрывке от чиновного надзирателя, во всегда знающего, что почем в жизни и на театральных подмостках их жизнерадостного законного дитяча.

Юлиан НАДЕЖДИН